

водятся эпизоды отношений, наполненных шутками и розыгрышами. Такая избирательность воспоминаний автора объясняется вовсе не стремлением тайного недоброжелателя выставить умершего друга в пародийном свете. Причину повышенной восприимчивости к юмору, скорее, следует искать в особой атмосфере дружеских кружков, которые спонтанно возникали в среде образованного, независимо и остро мыслящего дворянства.

Письма Хемницера, тоскующего по привычному кругу людей и общению, далеки от бесконечных жалоб подавленного человека. Даже печальные или проникнутые тревогой строки его посланий заканчиваются нередко снимающей напряжение шуткой. «Не успел я приехать сюда, как тотчас вышла история смертоубийства <...> с нашего одного судна вздумалось четверым напасть на турку и зарезать его <...>. Может быть, сим героям хотелось ознаменовать приезд сюда российского консула, однако я таких праздников не желаю» (64). Стремительные, перебивающие друг друга фразы писем не просто имитировали живую разговорную речь, но и передавали интонации, динамику, наполненные скрытым смыслом паузы, всегда возникающие в беседе двух близких людей. Очевидно, Львов не столько читал, сколько слушал вести от друга, улавливая тембр его голоса и скрывающееся за ним настроение. «Голос мой если переменялся, в продолжении писанного тогда письма <...> в меньше унывный, этому быть не мудрено было. Ты, помнишь, и сам примечание это сделал, что я, как бы пасмурен к тебе когда ни приходил, всегда уходил веселее: то же самое видно со мною происходит, когда теперь через письма с тобою говорю» (76).

Разумеется, установленные письмовниками каноны эпистолярного жанра не вызвали у друзей ничего кроме иронии и игры с чопорным скучным трафаретом. «Наперед все-таки у тебя спрошу, здоров ли ты, даром что ты и это за церемониал считаешь» (46). Однако, снисходительно посмеявшись над формуляром, Хемницер обнаружил, что его тяготит собственно общение через почту, когда «ловчее рассказать, нежели написать» (88). Живое слово застывало вместе с высыхающими под пером чернилами, и он вносит эффект присутствия в запыхавшийся ритм своих строк. «Здравствуйте, сударыня Марья Алексеевна, с новопожалованным! Это я вам не пишу, а как сумасшедшей, вбежав к вам в комнату, прокричал. Здравствуйте же, сударыня — ох! досадно, что всего сказать нельзя! быть сглонуть, пока сам вас увижу» (84).

Часто начальные строки письма являлись продолжением прерывающегося разговора и подхватывали последнюю реплику из послания адресата: «Ну, а в прочем каково?» «Слава Богу, все хорошо!» «Ну так и я скажу: хорошо. И в самом деле лучше нежели было» (81). Внутренний диалог, присутствующий с той или иной степенью отчетливости в любом эпистолярном документе, вводится прямо в текст писем Хемницера. Он или переносит на бумагу